

Э.А. Цеглеев (Киров)

ВЯТЧАНЕ В НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ЧИСЛЕННОСТЬ, ГЕОГРАФИЯ СЛУЖБЫ, БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ

ПОСТОЯННЫЕ войны, которые вела Россия в начале XIX в., и особенно противостояние с наполеоновской Францией, требовали увеличения численности войск. Только в 1811–1813 гг. в России было проведено 5 рекрутских наборов, норма поставки рекрутов по которым доходила до 8–10 человек с 500 душ. Рекрутские наборы 1811–1813 гг. были важнейшим организационным мероприятием в Вятской губернии, давшей за этот период русской армии десятки тысяч рекрутов.

18 сентября 1811 г. Александр I издал указ о начале проведения 81-го рекрутского набора из расчета 4 человека на 500 душ. Предполагалось собрать 135 тысяч человек. В ходе 81-го набора в рекруты привлекались крепостные крестьяне по назначению помещиков, а также удельные, государственные крестьяне и мещане по приговорам обществ. Для приема и освидетельствования рекрутов в губернских и уездных городах создавались рекрутские присутствия. Решение о том, брать или не брать рекрута, принималось большинством голосов членов рекрутского присутствия. Наличие в рекрутском присутствии военных приемщиков, заинтересованных в наборе здоровых рекрутов, и врачей, проводящих их медицинский осмотр, делало освидетельствование достаточно объективным. Каждый рекрут получал в рекрутском присутствии обмундирование. Собранных рекрутов следовало отправлять в назначенные места партиями по 300–500 человек под конвоем¹. Указ Александра I о начале 81-го рекрутского набора и «Наставление рекрутским присутствиям», разработанное в военном министерстве, стали основными нормативными актами, которыми руководствовались

в своей деятельности по проведению рекрутского набора губернские власти Вятки.

По раскладке, составленной в Вятском губернском правлении, в городах и уездах Вятской губернии следовало собрать 3577 рекрутов². Рекруты из Вятского, Слободского, Глазовского, Нолинского, Орловского и Котельнического уездов собирались в Вятке, а рекруты из Уржумского, Елабужского, Сарапульского и Яранского уездов – в Уржуме³. Эти два города Вятской губернии, занимая срединное положение по отношению к соседним уездам, традиционно были центрами сбора рекрутских команд. К 1 декабря в Уржуме было собрано 1385 рекрутов. Из Уржума рекруты направлялись в Тверское рекрутское депо⁴. В Вятке к 1 января было собрано 2034 рекрута. В январе рекруты партиями по 300 человек стали отправляться из Вятки к назначенному пункту – в Новгород⁵. Всего в ходе 81-го набора в России было собрано 120 тысяч рекрутов⁶.

Еще не закончился 81-й набор, а правительство в апреле 1812 г. объявило новый – 82-й набор. На эту чрезвычайную меру подтолкнула возрастающая угроза войны с Францией. 82-й набор проводился из расчета 2 человека на 500 душ. По этому набору предполагалось собрать около 70 тысяч человек⁷. 1811 рекрутов из Вятской губернии направлялись во Владимир⁸. В итоге они составили основу 2-го резервного Владимирского пехотного полка⁹.

К середине июня 1812 г. численность русской армии составляла 480 тысяч человек. Из них 220 тысяч были сосредоточены на западных границах¹⁰. В условиях начавшейся войны с Францией этих сил было явно недостаточно и правительство вновь провело экстраординарный рекрутский набор. 4 августа было объявлено о начале 83-го рекрутского набора. Была установлена небывало высокая норма поставки рекрутов – 10 человек с 500 душ. В ходе 83-го набора предполагалось мобилизовать в армию около 180 тысяч человек¹¹. На этот раз в рекруты полагалось принимать государственных и удельных крестьян, а также мещан. Из крепостных же крестьян формировалось ополчение. Были снижены требования к возрастным и физическим параметрам рекрутов. Нижний возрастной порог оставался прежним – 18 лет. Верхний повышался с 37 до 40 лет¹².

В Вятской губернии в ходе 83-го набора следовало собрать 8685 рекрутов. Вятка была назначена сборным пунктом для рекрутов из

Вятского, Глазовского, Нолинского, Слободского, Орловского и Котельнического уездов. Уржум стал сборным пунктом для рекрутов из Уржумского и Яранского уездов. В Елабуге собирались рекруты из Елабужского и Сарапульского уездов¹³. 8685 вятских рекрутов и 374 рекрута из Пермской губернии направлялись в Санкт-Петербург и поступали в находящиеся там полки, учебные команды и резервные артиллерийские части¹⁴. К концу ноября 1812 г. из Вятской губернии было отправлено 19 партий рекрутов. 4888 рекрутов 9-ю партиями было отправлено из Вятки, 1811 рекрутов 3-мя партиями – из Уржума и 1986 рекрутов 4-мя партиями – из Елабуги¹⁵.

Маршрут от Вятки до Санкт-Петербурга проходил через Орлов, Макарьев, Кострому, Ярославль, Рыбинск, Весьегонск, Новую Ладугу. Рекруты шли по территории Вятской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний. По этому маршруту расстояние от Вятки до Санкт-Петербурга составляло 1404,5 версты. Рекруты, собранные в Уржуме, до Костромской губернии добирались через Кукарку и Котельнич, а рекруты, собранные в Елабуге – через Вятские Поляны, Малмыж, Уржум, Кукарку и Котельнич¹⁶. В среднем в день рекруты преодолевали около 20 верст. Однако расстояния между станциями колебались от 11 до 31 версты. После 2–3 дней перехода полагался 1 день отдыха. Кроме того, в дороге случались задержки. В итоге путь партий вятских рекрутов 83-го набора к месту назначения занимал не менее 3-х месяцев.

Проведение экстраординарных рекрутских наборов, а также включение в состав полевых войск ряда ополчений позволили к началу 1813 г. увеличить численность русской армии до 572 тысяч человек¹⁷. Однако необходимость пополнения несущей потери армии и комплектования резервов вынуждала правительство объявлять новые рекрутские наборы. Еще 30 ноября 1812 г. был объявлен 84-й рекрутский набор. Этот набор проводился из расчета 8 человек на 500 душ. В ходе его было собрано около 160 тысяч рекрутов. Наконец, в 1813 г. был объявлен 85-й набор. Он проводился также из расчета 8 рекрутов на 500 душ и растянулся до 1814 г.¹⁸ По 84-му набору в Вятской губернии было собрано около 6800 рекрутов¹⁹. Примерно столько же поступило и по 85-му набору. Причем в зачет 85-го набора вятские помещики сдали большую часть вернувшихся домой в конце 1814 г. ополченцев.

Партии набранных в Вятской губернии рекрутов, как правило, распределялись мелкими группами по разным частям. Вятчане в начале XIX в. служили в различных полках регулярной армии, в гвардии, на Балтийском флоте, в гарнизонах Санкт-Петербурга, городов и крепостей Урала и Сибири, при Камских заводах.

Рекруты из Вятской губернии были одним из важных источников комплектования русской армии. В конце XVIII в. Вятская губерния ежегодно поставляла в регулярные войска, в гарнизоны и на флот по 800 рекрутов (из расчета «1 с 500 душ»), в начале XIX в. – по 1700–4250 (из расчета от 2 до 5 с 500 душ). С 1788 по 1810 гг. Вятская губерния дала около 40 000 рекрутов, а в 1811–1813 гг. выставила около 28 000 рекрутов (по 1811–8685 за один набор из расчета от 2 до 10 с 500 душ).

Приведенные ниже биографические данные ряда воинов-вятчан, взятые из мемуаров, формулярных списков, рапортов и списков на получение пенсионера, дают представление об их полковой принадлежности, географии их участия в войнах начала XIX в., боевых отличиях.

Из Вятской губернии была родом первая в русской армии женщина – офицер и герой русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. Н.А. Дурова (1783–1866). Будучи дочерью отставного секунд-майора Полтавского легкоконного полка А.В. Дурова, – участника русско-турецкой войны 1769–1774 гг., а в начале XIX в. – сарапульского городничего, будущая «кавалерист-девица» с детства интересовалась военной службой. В 1801 г. Н.А. Дурова вышла замуж за дворянского заседателя Сарапульского земского суда В.С. Чернова, а в 1803 г. у них родился сын Иван. В том же году она ушла от В.С. Чернова и вернулась в родительский дом, а в сентябре 1806 г., переодевшись в казачий костюм, покинула Сарапул, присоединившись к донскому казачьему полку С.Ф. Балабина. 9 марта 1807 г. под именем А.В. Соколова она поступила рядовым в Польский конный полк, в составе которого отличилась в весенней кампании 1807 г. в Восточной Пруссии. С 24 мая по 7 июня она принимала участие в сражениях под Гутштадтом, Гейльсбергом, Фридландом, а также во многих арьергардных боях.

В своих автобиографических записках «Кавалерист-девица. Происшествие в России» она красочно рассказала о своем участии в сражении под Гутштадтом 22 мая 1807 г. и о подвиге: «Гутштадт. В первый раз еще я видела сражение и была в нем. Как много пустого

наговорили мне о первом сражении, о страхе, робости и, наконец, отчаянном мужестве! Какой вздор! Полк наш несколько раз ходил в атаку, но не вместе, а поэскадронно. Меня бранили за то, что я с каждым эскадронном ходила в атаку; но это, право, было не от излишней храбрости, а просто от незнания; я думала, так надобно, и очень удивлялась, что вахмистр чужого эскадрона, подле которого я неслась, как вихрь, кричал на меня: “Да провались ты отсюда! Зачем ты здесь скачешь?” Воротившись к своему эскадрону, я не стала в свой ранжир, но разъезжала поблизости: новость зрелища поглотила все мое внимание; грозный и величественный гул пушечных выстрелов, рев или какое-то рокотанье летящего ядра, скачущая конница, блестящие штыки пехоты, барабанный бой и твердый шаг и покойный вид, с каким пехотные полки наши шли на неприятеля, все это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить.

Едва было я не лишилась своего неоцененного Алкида: разъезжая, как я уже сказала, вблизи своего эскадрона и рассматривая любопытную картину битвы, увидела я несколько человек неприятельских драгун, которые, окружив одного русского офицера, сбили его выстрелом из пистолета с лошади. Он упал, и они хотели рубить его лежащего. В ту ж минуту я понеслась к ним, держа пику наперевес. Надобно думать, что эта сумасбродная смелость испугала их, потому что они в то же мгновение оставили офицера и рассыпались врознь...»²⁰.

В конце 1807 г. Н.А. Дурова была вызвана в Санкт-Петербург и 31 декабря представлена императору Александру I. Во время аудиенции император сообщил ей: «Мне уже доносили о вашей беспримерной храбрости, и если вы полагаете, что одно только позволение носить мундир и оружие может служить вашей наградой, то вы будете иметь ее. С этого дня вы будете называться по моему имени – Александровым»²¹. За спасение офицера Панина Н.А. Дурова была награждена знаком отличия ордена Святого Георгия, а за проявленную в сражениях храбрость произведена в корнеты и определена в Мариупольский гусарский полк²².

В Отечественную войну 1812 г., будучи командиром эскадрона, поручиком Литовского уланского полка, Н.А. Дурова принимала участие в арьергардных сражениях под Миром, Романовом, Салтановкой, Смоленском, Гжатском, Колоцким монастырем²³.

Стратегическое отступление русской армии, осуществляемое Барклаем-де-Толли, а затем Кутузовым, и арьергардные сражения проходили в тяжелых погодных условиях. В начале лета шли проливные дожди, размывающие дороги, а с середины июля установилась сильная жара, которую солдаты Великой армии, участвовавшие в Египетском походе Наполеона, сравнивали с африканской²⁴. К 24 августа, за два с половиной месяца боев и отступления Литовский уланский полк потерял 2 из 47 офицеров, 30 из 89 унтер-офицеров, 5 из 24 трубачей, 450 из 971 рядового²⁵. Судя по рапортам офицеров полка и воспоминаниям Н.А. Дуровой, неравномерность потерь командного и рядового состава полка была обусловлена низкой дисциплиной и дезертирством нижних чинов, большинство из которых были литовцами и симпатизировали французам. 24 августа под Шевардином Н.А. Дурова была контужена ядром в ногу, но несмотря на это осталась в строю и 26 августа участвовала в Бородинском сражении. После оставления Москвы до середины сентября Н.А. Дурова состояла ординарцем при штабе Кутузова, а затем направилась в отпуск в Сарапул. Там, находясь в кругу семьи, она проходила курс лечения.

Последствия контузии долго давали о себе знать. Так, 30 января 1813 г. сарапульский лекарь Вишневецкий сообщал в Вятскую врачебную управу, что поручик Александров «чувствует всегдашнюю в кости бедренной ломоту так, что с трудностию может приступить сею ногою»²⁶. Наконец, 12 мая 1813 г. сарапульский городничий А.В. Дуров рапортовал губернатору Ф.И. Фон-Брадке: «...находящийся в городе управлению моему вверенном Литовского Уланского полку поручик Александров сего мая 12 числа по выздоровлении от болезни отправился к армии»²⁷.

По возвращении в Литовский уланский полк Н.А. Дурова приняла участие в осаде крепостей Модлин, Гамбург и Гарбург, а 9 марта 1816 г. по прошению была уволена со службы «за болезнь» с чином штабс-ротмистра и пенсионом. Проживая в Сарапуле с отцом и братом – В.А. Дуровым, занимавшим должность сарапульского городничего после смерти в 1820 г. А.В. Дурова, Н.А. Дурова занималась литературным творчеством. Она стала автором автобиографических записок «Кавалерист-девица. Происшествие в России», в которых создала романтический образ «русской амазонки», а также ряда романов и повестей. Издать эти произведения помогал А.С. Пушкин, с которым В.А. Дуров состоял

в приятельских отношениях. С 1841 г. и до смерти в 1866 г. Н.А. Дурова жила в Елабуге, куда был переведен городничим ее брат.

27 ноября 1811 г. офицерский корпус русской армии пополнился еще одним вятчанином. Прапорщиком в Симбирский пехотный полк поступил Владимир Петрович Чайковский (род. в 1793 г.). Он был сыном глазовского городничего П.Ф. Чайковского и приходился дядей композитору П.И. Чайковскому²⁸. Отечественную войну 1812 г. В.П. Чайковский встретил уже подпоручиком. 2 августа отряд Д.П. Неверовского, куда входил Симбирский полк, под Красным сдерживал рвущиеся к Смоленску войска маршалов Нея и Мюрата. Отступая под давлением превосходящих сил неприятеля, отряд Д.П. Неверовского на марше отразил 40 атак конницы Мюрата. Французам не удалось с ходу занять Смоленск до подхода основных сил русской армии. Симбирский полк в сражении под Красным потерял 210 человек убитыми и ранеными²⁹. В.П. Чайковский получил в этом сражении пулевое ранение в руку, а за отличие в нем 27 декабря 1812 г. был произведен в поручики и награжден орденом Святой Анны 4-й степени. После выздоровления В.П. Чайковский вернулся в полк и принял участие в Освободительном походе 1813–1814 гг. В 1813 г. он сражался при Кайзерсвальде, Бунцлау, Эйхговце, Мейсинге, Лейпциге, Мангейме, в 1814 г. – при Бриенне, Лаорте, Монмирае, Шато-Тьери, Мэри, Краоне, Лаоне. 13 ноября 1816 г. В.П. Чайковский был произведен в штабс-капитаны, а 25 апреля 1818 г. уволился из Симбирского полка в чине капитана и был определен заседателем в Оханский земский суд. 18 сентября 1820 г. он стал городничим Осинска, а 23 октября 1835 г. был назначен полицмейстером Воткинского завода³⁰.

С 1802 по 1810 гг. в Вятском полку рядовым служил уроженец Уржумского уезда Никифор Сидоров. Он участвовал в наполеоновских войнах 1805–1807 гг., сражался под Аустерлицем. В составе Вятского полка Н. Сидоров принимал участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., в частности, в осаде Рушука. Крепость Рушук была взята русскими войсками 15 сентября 1810 г. Во время осады Рушука Н. Сидоров был раздавлен пушечным колесом³¹. Он достойно отслужил в старейшем полку русской армии, носящем имя его малой родины.

С 1790 по 1816 гг. в Белозерском пехотном полку рядовым служил уроженец города Слободского Павел Филиппович Карякин.

Он участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. Белозерский полк воевал на территории шведской Финляндии. При взятии местечка Бакул П.Ф. Карякин был контужен в грудь. В 1799 г. П.Ф. Карякин участвовал в экспедиции в Голландию. Корпус генерал-лейтенанта И.И. Германа, в составе которого был Белозерский полк, был разгромлен под Бергеном. В составе Белозерского полка П.Ф. Карякин принимал участие в высадке десанта в Ганновер в 1805 г., в русско-пруско-французскую войну 1806–1807 гг. сражался при Янкове, Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридрихсгамме, в русско-шведскую войну 1808–1809 гг. вновь занимал Финляндию, которая по Фридрихсгамскому мирному договору осталась за Россией. В 1812 г. Белозерский полк сражался при Смоленске, Валутиной Горе, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном, в 1813 г. – при Бауцене, Кацбахе, Лейпциге, а 18 марта 1814 г. участвовал в штурме Парижа. Белозерский полк сражался во всех наполеоновских войнах, в которых принимала участие Россия. Всю Отечественную войну и Освободительный поход П.Ф. Карякин прошел в составе своего полка. К сожалению, в списке на получение пенсионера в 1817 г. не уточняется, за что П.Ф. Карякин был удостоен знака отличия ордена Святого Георгия под № 20328, а его формулярный список в архивных документах обнаружить не удалось³². Однако судя по тому, что с момента учреждения знака отличия ордена Святого Георгия в 1807 г. и до конца 1812 г. было выдано 19 606 знаков, а в 1813 г. – 8611, П.Ф. Карякин был удостоен награды в начале 1813 г.

В 1812 г. в Ревельском полку рядовым служил состоящий на службе с 1788 г. уроженец Уржумского уезда Матвей Александров. В составе 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницына полк принимал участие в сражениях под Витебском, Смоленском, Валутиной Горой. В Бородинском сражении Ревельский полк сражался на левом фланге русской позиции на Семеновских флешах, куда пришелся основной удар наполеоновских войск. Шеф полка А.А. Тучков погиб, возглавив одну из контратак. Ревельский полк потерял убитыми 270 человек³³. В других русских и французских полках ситуация была не лучшей. Адьютант Наполеона С. Сегюр писал, что «французские солдаты изумлялись тому, что так много было перебито»³⁴. Массовый героизм и ожесточение с обеих сторон при всех усилиях не могли дать решающее преимущество кому-либо из противников и вели к огромным потерям. Как заметил Наполеон,

битва «при Москве-реке была битвой, где проявлено наиболее доблести и достигнуты наименьшие результаты»³⁵. Матвей Александров уцелел в Бородинском сражении и, по-видимому, продолжил службу в Ревельском полку. Однако о его участии в Освободительном походе 1813–1814 гг. в списке на получение пенсии в 1816 г. не сообщается. Также не сообщается, за что он был награжден знаками отличия орденов Святого Георгия и Святой Анны³⁶.

С 1798 по 1814 гг. в лейб-гвардии Измайловском полку служил уроженец города Глазова Дмитрий Андреевич Матов. В 1805–1807 гг. в составе своего полка Д.А. Матов сражался при Аустерлице, Гутштадте и Фридланде, а 26 августа 1812 г. при Бородине. В этом сражении лейб-гвардии Измайловский полк, располагавшийся в районе деревни Семеновская, отличился при отражении атак французской кавалерии, стремящейся развить успех после взятия Семеновских флешей. Командир полка полковник А.П. Кутузов сообщал об этом следующее: «...Неприятельские кирасиры не замедлили с чрезвычайным стремлением броситься в атаку, но за дерзость свою дорого заплатили; все кареи с удивительною твердостью, допустив их на размерной выстрел, открыли с фасов, к неприятелю обращенных, батальной огонь; латы им были слабой защитой, не придавая мужества. Мгновенно показали они тыл и обратились в бегство. Свежая кавалерия, состоящая из конных гренадер, покусилась было поправить неудачу первой атаки, но быв принята таким образом, так же опрокинута и с тем же стыдом назад возвратилась; несколько из них, осмелившись доскакать до кареев, были за дерзость наказаны штыками...»³⁷. После этого французская артиллерия открыла по лейб-гвардии Измайловскому полку и соседним с ним лейб-гвардии Литовскому и лейб-гвардии Финляндскому полкам убийственный огонь, осыпая их картечью. Вообще Бородинское сражение стало крупнейшим из артиллерийских боев XIX в. На поле боя гремело более тысячи орудий: у французов – 587, у русских – 640³⁸. А.И. Михайловский-Данилевский заметил: «Самое пылкое воображение не в состоянии представить сокрушительное действие происходившей здесь канонады»³⁹. От ураганного огня лейб-гвардии Измайловский полк потерял 176 человек убитыми, 528 ранеными и еще 73 человека пропали без вести⁴⁰. Затем неприятельская конница возобновила атаку, но перекрестным огнем выставленных по флангам по приказу П.П. Коновницына двух батальонов лейб-гвардии Измайловского полка «была

истреблена и рассеяна». Более того, по воспоминаниям П.П. Ковновицына, измайловцы, «не расстраивая строя, бросились на гигантов, окованных латами, и свергали сих странных всадников штыками»⁴¹. В итоге полк отразил все атаки неприятеля, нанеся ему существенный урон. Произведенный еще в феврале 1812 г. в унтер-офицеры Д.А. Матов прошел с Измайловским полком всю Отечественную войну, а в 1813 г. сражался под Люценом, Бауценом и Кульмом, где был ранен пулей в колено правой ноги. 12 ноября 1814 г. он был уволен из полка и с декабря 1814 г. служил приказным в Глазовском уездном казначействе. За совершенный в одном из сражений подвиг у Д.А. Матова имелся знак отличия ордена Святого Георгия под № 22638⁴². Судя по номеру, свою награду он получил в 1813 г.

С 1 января 1805 по 30 мая 1814 гг. в Закавказье в Егерском Гарнизонном полку рядовым служил уроженец Уржумского уезда Василий Данилов. С 1807 по 1812 гг. В. Данилов принимал участие в многочисленных сражениях русско-турецкой 1806–1812 гг. и русско-иранской 1804–1813 гг. войн. Под руководством легендарного П.С. Котляревского он участвовал в ночном штурме турецкой крепости Ахалкалаки 8 декабря 1811 г., в сражении при Асландузе 19 октября 1812 г., когда двухтысячный русский отряд разгромил тридцатитысячную персидскую армию Аббас-Мирзы, в новогоднем штурме Ленкорани 31 декабря 1812 – 1 января 1813 г. Результатом ожесточенного штурма стала гибель всего персидского гарнизона в количестве 3737 человек и заключение потрясенной Персией Голистанского мира, столь необходимого для России в условиях продолжающейся войны с Наполеоном. Русский отряд (1761 человек) потерял 341 человека убитыми и 609 ранеными, в том числе П.С. Котляревского⁴³. При штурме Ленкорани картечью в правую руку был ранен и рядовой В. Данилов⁴⁴. Для него, как и для П.С. Котляревского, этот бой стал триумфальным финалом военной биографии.

О значении для России войны в Закавказье и о подвигах ее героев исследователь истории русской армии А.А. Керсновский сказал следующее: «Великие события, потрясавшие в те времена Европу, заслоняют ее и как бы подавляют своими размерами. Но в русском сердце асландузское “ура!” должно звучать громче лейпцигской канонады, здесь один шел на пятнадцать – и победил, а русская кровь лилась за русские интересы, за русский Кавказ»⁴⁵.

Не только с оружием, но и с крестом в руках участвовали вятчане в войнах начала XIX в. К 1812 г. в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек⁴⁶. Среди них был Прокопий Иоаннович Овчинников. В 1806 г., будучи диаконом Преображенского собора города Глазова, он направил в Синод прошение о принятии его на военную службу. 22 января 1807 г. из Петербурга пришло распоряжение от обер-прокурора князя А.Н. Голицына на имя вятского губернатора В.И. Болгарского: «...К Вашему Превосходительству от Преосвященного Вятского Гедеона доставится из города Глазова тамошнего Преображенского Собора Диакон Прокопий Овчинников, просившийся добровольно в военную службу, которого Его Императорское Величество Высочайше указать соизволил немедленно отправить сюда к Главнокомандующему Г. Генералу от инфантерии Вязмитинову...»⁴⁷. В Вятке П.И. Овчинников был снабжен деньгами на прогоны и отправлен в Петербург. В результате П.И. Овчинников был зачислен полковым священником в Гродненский гусарский полк.

В Отечественную войну 1812 г. П.И. Овчинников непосредственно находился в сражениях под Клястицами, Полоцком, Чашниками. В Освободительном походе был при взятии Кенигсберга, в Дрезденском и Лейпцигском сражениях. Сохранился рапорт П.Х. Витгенштейну от 24 августа 1813 г. шефа Гродненского гусарского полка генерал-майора Ридигера, в котором он сообщал о подвиге П.И. Овчинникова в Дрезденском сражении: «Высочайше вверенного мне Гродненскаго Гусарского полка полковой священник Овчинников, во время бывших при городе Дрездене сего месяца 13-го и 14-го числ сражений находился безотлучно пред оным, и нравочениями своими вселил в нижних чинах такой геройский дух и хладнокровие, что они не смотря ни на какие опасности, на каждом шагу где только неприятель делал свое покушение мгновенно бросались и разили его без пощады; сей почтенный пастырь заслужил общую к себе любовь и доверенность, за что достоин особой награды, и я имел честь до сего времени рекомендовать вашему сиятельству; а как он в нынешней победе по собственной воле брал немалое участие, то и беру смелость ваше сиятельство всепокорнейше просить не оставить его награждением»⁴⁸.

Подвиг одного человека в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих. В данной ситуации мужественное поведение П.И. Овчинникова в сочетании

с авторитетом духовного пастыря вело к особо мощному эффекту воздействия на солдат, породившему их массовый героизм. В результате П.И. Овчинников стал протоиереем и полевым обер-священником армии П.Х. Витгенштейна. За участие в походах и боях 1812–1814 гг. он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте и камилавкой⁴⁹. Наперсный крест на Георгиевской ленте являлся высшей наградой для лиц духовного звания. Им награждались священники, совершившие подвиги непосредственно на поле боя⁵⁰. П.И. Овчинников занял почетное место в ряду героев эпохи наполеоновских войн.

Вятчане приняли непосредственное участие во всех войнах, которые вела Россия в начале XIX в., и во всех основных сражениях «эпохи 1812 года», внося свой вклад в общероссийское ратное дело, в освобождение страны от наполеоновских захватчиков и в достижение внешнеполитических целей Российской империи. Они служили во всех пехотных гвардейских полках, в абсолютном большинстве армейских полков и на флоте. Среди них были представители дворянства, духовенства, мещанства, крестьянства. Их заслуги и подвиги были отмечены наградами. На Русской равнине, в Финляндии, в Закавказье, на Балканах, в Центральной и Западной Европе десятки тысяч вятчан достойно выполнили свой долг перед Отечеством.

¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 200.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 6. Д. 1191. Л. 68–72.

³ ГАКО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 24, 29.

⁵ Там же. Д. 37. Л. 7–11.

⁶ Богданов Л.П. Комплектование русской армии накануне Отечественной войны 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 43.

⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 200.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3531. Л. 74.

⁹ ГАКО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 43. Л. 117.

¹⁰ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 96.

¹¹ Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г.: организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 89–90.

¹² ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1191. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 1186. Л. 62.

¹⁴ Там же. Ф. 583. Оп. 602. Д. 430. Л. 3–4.

¹⁵ Там же. Д. 433. Л. 26.

- ¹⁶ Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1193. Л. 10, 11, 22, 104.
- ¹⁷ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 202.
- ¹⁸ Там же. С. 201.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 1130. Л. 47.
- ²⁰ Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. М., 1983. С. 62–63.
- ²¹ Оськин А.И. Надежда Дурова – героиня Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 28.
- ²² РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208. Д. 106. Л. 272.
- ²³ Бегунова А.И. Служба Н.А. Дуровой в Литовском уланском полку в 1811–1814 гг. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 36–38.
- ²⁴ Михневич Н.П. Отечественная война 1812 г. // История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 658.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2657. Л. 66–67.
- ²⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1196. Л. 27.
- ²⁷ Там же. Оп. 140. Д. 122. Л. 38.
- ²⁸ Суднишников А.Н. Чайковские на Вятской земле // Вятская земля в прошлом и настоящем. Т. 4. Киров, 1995. С. 185.
- ²⁹ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 656.
- ³⁰ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 4293. Л. 5–6.
- ³¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 278. Л. 102.
- ³² Там же. Л. 41–42.
- ³³ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. С. 609.
- ³⁴ Бубенников А.Н. «Мы идем с армиями не далее как к Можайску» // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 50.
- ³⁵ Земцов В.Н. «Французское» Бородино // Отечественная история. 2002. № 6. С. 41.
- ³⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 169.
- ³⁷ Бородино: документальная хроника. М., 2004. С. 173.
- ³⁸ Бегунова А.И. Русская конная артиллерия: от Аустерлица до Бородина // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 64.
- ³⁹ Устинов В.И. «Солнце Аустерлица» закатилось в России // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 50.
- ⁴⁰ Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. С. 297.
- ⁴¹ Бородино. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1962. С. 358.
- ⁴² ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 110.
- ⁴³ Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 512–513.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 127. Л. 193.
- ⁴⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 513.
- ⁴⁶ Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 г. и Русская Православная Церковь // Отечественная история. 2002. № 6. С. 33.
- ⁴⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 47. Л. 3.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208 в. Св. 45. Д. 1. Л. 169.
- ⁴⁹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской Империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 250.
- ⁵⁰ Шабанов В.М. Военный орден святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 909.